

УДК 321

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-3-312-324

ПОСТАНАРХИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Д. Д. ХОХЛОВА

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования:

Хохлова Д. Д. Постанархия как альтернативный политический режим // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Том 9, № 3. С. 312–324. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-3-312-324.

Введение: в статье рассматривается современная теория анархистских обществ и государств, в том числе на основе анализа кейса Рейкьявика 2010–2014 годов.

Цель: выявить основания для легитимации анархистского политического режима и факторов, препятствующих этому процессу.

Методы: общенаучные подходы: дескриптивный, системный, ценностно-нормативный; политологические: неoinституционализм, теория рационального выбора, case-study.

Результаты: выявлены основные идеи современной теории анархизма в политико-управленческой, юридической, философско-этической и экономической плоскостях; определены причины отсутствия легитимации анархистского политического режима в политической теории; кратко проанализирован анархо-сюрреалистический рефрейминг в Исландии.

Выводы: автор отмечает, что маргинализация и обесценивание политических систем, в которых власть не является центральной ценностью, происходит в целях самозащиты доминирующей централизованной системы, а сама доминирующая система вовсе не является оптимальной. Зависимость политической науки от политики серьезно сужает разнообразие подходов, концепций и научных интересов политических ученых, что особенно заметно в сравнении со смежными исследованиями антропологов, экономистов и юристов. Пример Йона Гнарра показывает, каким образом с помощью анархии можно разрушить миф о сакральности политической власти и доминантной маскулинности фигуры политика, реформировав политическую культуру и оказав влияние на всю политическую систему государства.

Ключевые слова: анархия; политический режим; власть; абсолютная власть; монополия на насилие; централизованная власть; прямая демократия

ВВЕДЕНИЕ

Термин «политический режим» (по-английски просто regime) означает комплекс средств, норм и идей в управлении обществом и государством. Определения режима довольно широко варьируются: это структура правления с соответствующим типом общества (Морис Дюверже), явные и скрытые способы и факторы для осуществления власти (Филипп Шмиттер и Гильермо О’Доннелл), способ легитимации политической системы (Гарольд Лассуэл), сочетание идеологии, институтов и общественной культуры (Жан-Луи Кермонн) и многие другие. Оксфордский словарь указывает на то, что термин носит скорее негативную коннотацию, подразумевая недемократическое политическое устройство («преступный режим», «кровавый режим»). Однако в Европе времен Платона и Аристотеля представления о «хороших» и «плохих» режимах отличались от современных, склоняясь к тоталитаризму и олигархии как к идеальному устройству. Эта диалектика указывает на некоторую эфемерность данного термина и его оценки.

Современные представления о режиме можно разделить на несколько подходов и научных школ, но в целом градация режимов сводится к демократии, тоталитаризму и авторитаризму – к демократическим и недемократическим режимам. Принято считать, что анархия – это либо переходный режим, либо его отсутствие. Почему анархия как форма политического устройства игнорируется в «официальной» политике и политологии?

Во-первых, известно, что даже признанные режимы существуют только в теории, а на практике реализуются как гибриды. Тем не менее политики и многие политологи оперируют терминами, имеющими косвенное отношение к реальности. То есть признанность циркулирующих в легальном обращении режимов основана на их безусловном принятии безотносительно их целесообразности, актуальности и достоверности.

Во-вторых, некоторые страны функционируют в «переходном режиме» многие года, иногда десятки лет – насколько справедливо называть работоспособный режим-долгожитель промежуточным? Возможно, его непризнание в качестве полноценного режима основано лишь на его несоответствии режиму государств-гегемонов в мировой политике.

В-третьих, политическая теория в ее официальном сегменте (политических выступлениях, образовательных программах, учебниках, зачастую в диссертациях) транслирует официальную точку зрения, т. е. политически приемлемую. Вытеснение анархии из политики и политологии – это следствие доминирования победившего в политической борьбе дискурса, который, на самом деле, не отражает реального положения дел, но остается необходимым для сохранения формального репрезентативного статус-кво. Вытеснение альтернативных режимов и их стигматизация как маргинальных – это самозащита превалирующего режима, основанного на централизации власти. Даже в политологической среде у большинства ее членов об анархии карикатурное представление, упрощенное до безгосударственности и тотального хаоса, совсем иначе к ней относятся антропологи и экономисты. И это тоже важный показатель ангажированности и инерционности научного дискурса, приближенного к политическому миру.

Однако легитимацией анархии в разной степени занимались многие ученые, начиная, как минимум, с IV века до н.э.: Лао-цзы и Чжуан-цзы, софисты и киники, Диоген и Аристотель, Корнелий Тацит, Жан-Жак Руссо, Уильям Годвин, Пьер Жозеф Прудон, Элизе Реклю, Бенджамин Такер и многие другие. Одни из самых актуальных работ на данный момент принадлежат Полу Фейерабенду, Майклу Тейлору, Роберту Элликсону, Дугласу Нурту, Барри Вайнгалсту, Джону Уоллису, Лизе Бернштейн, Эрику Познеру и Солу Ньюману – они будут подробно рассмотрены в статье.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, в основном базируется на двух методах: 1) анализ современных научных работ в области политологии, антропологии, юриспруденции, экономики и менеджмента, посвященных анархизму; 2) анализ анархо-сюрреалистического периода Рейкьявика в 2010–2014 годах методом кейс-стади.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абсолютная власть и власть вообще как центральная идея политики делает невозможным взвешенный анализ и признание режимов, в которых власть не играет ключевой роли. Если уйти от этого мифа, то анархия – это полноценный режим: «регионы бегства» в Латинской Америке (Beltran, 1991), аналогичные регионы в Северной Америке XVII–XVIII веков (White, 2010), «коридор вне закона» между Палатинским холмом и Саксонией в те же века (Lucassen et al., 1998), цыганские мобильные государства, израильские кибуцы, оранг-лауты, казачество, Зомия, более чем трехвековая «эпоха народовластия» в средневековой Исландии (Long, 2002), правление Йона Гнарра и «Лучшей партии» в Рейкьявике в 2010–2014 годах и др. Эти неклассические формы государственного и общественного устройства самых разнообразных масштабов и длительности своего существования доказывают, что помимо дихотомии демократия-тоталитаризм есть множество других жизнеспособных политических режимов.

Анархия не только девальвирует феномен власти, но и отрицает элитистскую и профессиональную стороны политики, утверждая, что политика для всех и она везде, а не только в электоральном процессе: каким должно быть образование? нужна ли медицинская реформа? каким должен быть перечень обязательной вакцинации? из чего складывается стоимость жилищно-коммунальных услуг? какой должна быть конституция? где нужно проложить велос дорожки? нужна ли воинская обязанность? нужно ли присутствие НАТО на территории государства? нужно ли вступать в войну? Эти и любые другие вопросы, влияющие на жизнь общества, в анархистской парадигме находятся в компетенции самого общества.

Анархия не про безгосударственность и беспорядок, она про максимально открытое гибкое государство, функционирующее по принципу управляемого хаоса (т. е. естественного развития). Государство в его ставшем классическим

понимании – это монополист в применении насилия, инициативный агрессор, чья воля неукоснительно должна исполняться его гражданами (будь то карательная полицейская и судебная системы, обязательный армейский призыв, решение вступать в войну, призыв на фронт и проч.). Анархия исключает возможность централизации власти и применения насилия по отношению к обществу и его членам.

В некотором роде парадоксально, что политическая теория в общей сумме оказывается консервативнее практики: она по-прежнему основывается на маскулинном образе правителя (и его статусе избранного не только в электоральном, но и в сакральном смысле) и предпочитает решать проблемы с помощью грубой силы и авторитета церкви (старая традиция коллаборации с армией и образом Бога). Концептуальные перемены в понимании политического в политике – это нонсенс, поскольку политика имеет старообрядческий характер, неохотно поддаваясь эволюции. Тем важнее исследовать прецедент Йона Гнарра – мэра столицы Исландии в 2010–2014 годах.

Исландия в принципе является полем для экспериментов либертарианского толка с самого начала своего существования. Крупнейшим прецедентом легитимного анархо-государства остается Исландское свободное государство («эпоха народовластия»), в современной истории его приемником стал Рейкьявик под управлением анархо-сюрреалиста Гнарра.

Так называемый «эффект Гнарра» (Andersen, 2010) (рефрейминг) обсуждается в менеджменте как пример комбинированного эффекта в подходе к управлению (в целом характеризуемого авторами как «нетрадиционного» для политики): собственное обладание исключительными полномочиями Гнарр использует для разрушения бюрократической рутины и формализма, развенчания мифа о всезнании и уверенности политиков (Mossman, 2014), остается исключительно честным и искренним, не испытывая трудностей с проявлением своей уязвимости (Гнарр последовательно разрушает культ маскулинности, который, на его взгляд, является токсичным мифом, травмирующим общество и искажающим саму идею политического лидерства и политики), а также вступает в открытый диалог с людьми во многом благодаря социальным сетям, которые ведет сам (Ryde and Sofianos, 2014, p. 146). Гнарр в действительности принес глобальный смысл в политику, которого та, возможно, лишена, заменив им прижившиеся в политических институтах и культуре химеры и ритуалы. Наверняка поэтому Ноам Хомский называет Йона Гнарра «лучшим из возможных мэров» (Gnarr, 2014, p. 146).

Панамский скандал и беспрецедентный для Исландии кризис 2008 года не просто поставили под сомнение, а целиком разрушили представление исландского общества о политиках как о профессионалах. Бенедикт Йоханнессон (министр финансов Исландии, избранный в 2017 году) отметил, что экономика страны стабильна, но теперь в Исландии «моральный кризис» (Nagvekar, 2016). Последовательное избрание исландцами лиц максимально далеких от классической политической карьеры и риторики (Гнарр, триумфатор парламентских выборов 2016 года «Пиратская партия», нынешний президент Гвюдни Йоуханнессон) позволяет предположить, что в обществе произошли изменения, которые повлекли за собой перемены в политической

системе Исландии. Политическое влияние Гнарра на Исландию выразилось в стабильном левом крене Альтинга, в отношении исландского общества к выборам и политике, в обновлении партий-лидеров и выборе президента страны. «Эффект Гнарра» распространяется намного дальше Исландии, положив начало (по крайней мере, хронологически) новому популизму и новому витку в развитии гражданского самосознания. Политика перестала ассоциироваться с особостью ее представителей, их избранностью свыше и безусловным профессионализмом.

История правления Гнарра в Рейкьявике в 2010–2014 годах освободила анархизм от клише деструктивности, сделав анархию синонимом естественного развития и гуманистической изобретательности, основанной на межличностном доверии, этике, рациональности, личной и общественной ответственности за принятие решений. Гнарр обратил в инверсию «общество спектакля» Дебора, создав альтернативу: иммерсивный политический театр, в котором нет одного режиссера, но есть режиссирующее общество, состоящее из инициативных акторов.

ОБСУЖДЕНИЕ

В современной анархо-теории есть несколько знаковых, ключевых работ из разных отраслей науки, легитимирующих анархизм в научном дискурсе.

Легендарная книга «Против метода» Пола Фейерабенда (Фейерабенд, 2007) обращена в первую очередь к ученым и проблеме методологии. Он критикует сращивание науки и государства, диктат их обоим, указывая на методологическую и демократическую экспансии, к борьбе с которой Фейерабенд подходит довольно популистски, тем самым, вероятно, возводя свою борьбу в абсолютную степень (т. е. популистский тон здесь – это крайняя форма научно-дискурсивного протеста). Фейерабенд указывает на то, что классические теории нацелены на сохранение статус-кво и, в целом, упрощают исследуемые объекты. Реальность непрерывно меняется, поведение акторов и процессы в сложных системах непредсказуемы, а в сочетании с произвольно изменяющимися обстоятельствами, контекстом и новыми факторами влияния исследование реальности классическими методами нецелесообразно. Любые «фундаментальные законы» нивелируются всевозможными обстоятельствами, поэтому в науке зачастую разумно игнорировать их или действовать им вопреки, поскольку самый верный способ прийти к новому знанию и опыту – это допускать то, что кажется невероятным (действовать контринтуитивно). Теория должна быть перманентно адаптивна к динамике жизни, поскольку именно хаос – это реальный порядок. Фейерабенд провозглашает «единственный принцип», не препятствующий прогрессу – принцип «допустимо все» (anything goes). Именно поэтому анархизм помогает достигнуть прогресса в любом смысле (как универсальный принцип). Анархизм пытается избавить науку от шовинизма, говоря, что, как и абсолютная власть для политики, так и наука – не священна: в ней нет раз и навсегда верного, она стоит на одной ступени с мифом.

Одним из важнейших шагов на пути к «чистой» науке является лексическая революция – то, что Фейерабенд называет «постоянным насилием над языком»: существующие фигуры речи не отражают действительности и поэтому должны быть разрушены и трансформированы в «пригодные для непредвиденных ситуаций» (Фейерабенд, 2007, с. 46). Для развития необходимо выйти за пределы лексического и реакционного круга, в котором мы привыкли вращаться. Фейерабенд предлагает для этого два пути: либо изобрести новую концепцию, новую теорию, несовместимую с наиболее тщательно обоснованными результатами наблюдения и нарушающую наиболее правдоподобные принципы; либо – второй путь – заимствовать новую систему из другой сферы: из религии, мифа, идей «простых» или безумных людей. «Против метода» Фейерабенда официально вводит анархизм в научное поле, показывая его методологические возможности, актуальность и философское ядро.

В скрупулезной и смелой работе Роберта Ч. Элликсона «Порядок без права» (Элликсон, 2017) подробно рассмотрено множество ключевых для постанархизма и кооперации нюансов. Элликсон с 1981 года исследует округ Шаста в верхней части Калифорнийской долины США, поскольку там распространены как открытые, так и закрытые пастбища. На их примере (с поддержкой других кейсов) он делает вывод о том, что «библиотечное» право не выдерживает конкуренции с нормами, созданными обществом в процессе ежедневной практики взаимодействия (Элликсон, 2017, с. 13–14). Элликсон считает, что наиболее эффективная система представляет собой сочетание норм и законов, причем последние целесообразнее всего выводить из первых (как было, например, с китобойным промыслом) (Holmes, 2009, p. 212). То есть в рамках этой логики законы «подстраховывают» соблюдение норм.

Аналогично приоритету норм над правом в практическом поле, Элликсон выводит приоритет концепции самозащиты над внешней защитой в кооперативных обществах. Стоит сделать ремарку, что эффективность принципа самозащиты подтверждается только в априори неконфликтных обществах, склонных к сотрудничеству и ненасильственным методам разрешения конфликтов. Например, те же самые принципы на Северном Кавказе приводят к самоуправству, войнам, конфликтам и убийствам как членов общества, так и правозащитников, пытающихся встать на их защиту с помощью правового дискурса, очевидно прочитываемого как внешняя агрессия при преобладании внутренних норм.

Однако главная идея в этом контексте заключается в логическом парадоксе: Элликсон замечает, что, согласно законодательству об ответственности за неумышленное причинение ущерба, а также уголовному праву, человек, подвергающийся опасности, имеет право на самозащиту. Таким образом, правовой централизм противоречит сам себе, утверждая монополию государства на насилие. По Элликсону, корректнее сформулировать это так: государство – это место значительной концентрации привилегированного использования власти, а не монополии на ее использование. Фридрих Хайек (Ogus, 1989), Александр Бикель (Bickel, 1977), Лон Фуллер (Fuller, 1977) также последовательно доказывают весомый вклад социальных норм в общую систему социального порядка.

Еще один важный акцент Элликсон делает на системе наказаний в самоуправляемых обществах. Во-первых, из опыта округа Шаста он делает вывод о том, что в тесно связанных зрелых группах (в которых осторожное поведение уже сформировано) «обычную осторожность» выгоднее стимулировать посредством наказаний, а не поощрений. Во-вторых, что в системе неформального принуждения аналогом предписания (приказа, запрета) является строгое предупреждение с подтекстом о последствиях. В-третьих, Элликсон подчеркивает первостепенную важность четкой формулировки правил и «калибровки мер» (способствующей первичному кооперативному управлению) для самоуправляемых сообществ, поскольку именно это помогает разрешать споры. В-четвертых, если рассматривать кооперативизм с точки зрения теории игр, то популярная стратегия «око за око» в «дилемме заключенного» имеет альтернативу в виде «доброй» стратегии «выравнивания» (соответствует принципу «живи и дай жить другим»), более того, «выравнивание» имеет ряд преимуществ: учитывает транзакционные издержки и разрешает самостоятельно искупать ошибки, что позволяет адептам «доброй» стратегии избегать вражды даже с конфликтными акторами. В анархистских обществах в принципе принято обсуждать нарушения норм с участниками «преступления», нежели сообщать об этом третьей стороне. Однако наличие многоуровневого социального контроля (с нормированным привлечением третьих лиц или при наличии самодисциплинированных старейшин и других ответственных и уважаемых граждан) может способствовать еще более крепкой кооперации и более целесообразному первичному поведению, которое, в итоге, будет максимизировать общественное благосостояние.

Современная практическая анархия ошибочно приравнивается к ее первоначальной теоретической концепции безгосударственного существования. Сегодня постанархизм – это открытый, гибкий порядок на основе индивидуальной ответственности (Axelrod and Hamilton, 1981). Вопрос определенности термина государства по-прежнему не решен и варьируется от одной социальной науки к другой (например, есть принципиальная разница подходов в антропологии, политологии, экономике). Однако если не подыгрывать мифу об иерархическом государстве как единственно возможной форме объединения людей, то можно прийти к следующим определениям: закон – это правила, вводимые бюрократами и правительством для социального контроля, а правительство – это иерархическая организация, имеющая власть причинять вред людям (Black, 1998; Weber, 1954), не обязательно добровольно ее признавшим (Michelman, 1977).

В коллективной работе Дугласа Норта, Барри Вайнгаста и Джона Уоллиса «Насилие и социальные порядки» 2009 года политика рассматривается через миф о государстве-монополисте. Исследователи противопоставляют взгляд на государство как единственного политического актора взгляду на государство как «организацию организаций» (Норт и др., 2011, с. 120). Они отмечают, что как в политике, так и в политической науке преобладает первая точка зрения, а от самоуправления принято абстрагироваться. Однако Норт, Вайнгаст и Уоллис отмечают, что гегемония мифа о естественности (необходимости) государства обусловлена тем, что оно попросту стало единственной

формой упорядочения и управления обществами в последние десять тысяч лет. Однако это не означает, что нынешняя концепция государства лучшая или единственная.

В качестве альтернативы мифу авторы вводят несколько принципов: «созидательное разрушение», «расширенный порядок», «адаптивная эффективность» и безличность. Во-первых, равенство невозможно без безличности, а безличность – это одинаковое отношение ко всем, что относится к предоставлению услуг гражданам государством и в целом является принципом взаимодействия человек-государство. Во-вторых, на групповом уровне «созидательное разрушение» приводит к непрерывному изменению распределения интересов (в том числе через партийную конкуренцию), что исключает возможность какой бы то ни было гегемонии. В-третьих, на системном уровне «адаптивная эффективность» за счет творческой энергии акторов, продуктивных, честных, стабильных (но заменяемых) институтов позволяет приспосабливаться и действовать в условиях неопределенности. Таким образом, складывается система «расширенного порядка», во многом основанная на принятии анархии, присущей сложным системам.

Отдельное внимание исследователи уделили теме перехода от естественного государства к открытому (постанархистскому). По их оценке, переход в среднем происходит за 50 лет: пример Франции, Великобритании и США в конце XVIII века вплоть до второй половины XIX века, а также пример Тайваня и Южной Кореи. В истории есть и более стремительные переходы – Испания после смерти Франсиско Франко в 1975 году. Однако, разумеется, переходу предшествуют века развития институтов, организаций и убеждений. Именно поэтому искусственно спровоцированные переходы (путем законопроектов или насильственных революций) никогда не приводят к желаемому результату.

Именно исходя из такой логики развития открытого государства как наиболее эффективного организациям (кооперациям) исследователи придают огромное значение. Через понимание социального капитала Фрэнсисом Фукуямой, как «способности людей работать вместе во имя общих целей в группах и в организациях», раскрывается идея «здоровой системы», в которой социальный капитал делает возможным самоорганизацию бизнеса, корпораций, сетевых и политических структур и пр. (Фукуяма, 2004, с. 27, 580–581). В работе Фукуямы центральным объектом является категория доверия. Он приводит доказательства того, что доверие также возможно и в больших обществах и корпорациях, что подтверждает пример Элликсона (Шаства с населением 116 тыс. чел. в 1980 году), средневековой Исландии и современного Рейкьявика.

Сол Ньюман в работе «Политика постанархизма» (Newman, 2010) также указывает на критически усиленную монополию государства в социально-политической, экономической, культурной сферах. Он связывает это с парадигмой безопасности, «войной с терроризмом», распространением правой риторики и консерватизма из-за возросших рисков глобализации и идеологического обскурантизма. Анархизм, по Ньюману, всегда был «третьим путем» в контексте либерализма и марксизма (социализма), рождение же постанар-

хизма можно связать с ростом антиглобалистского и зеленого (экологического) движений.

Современный анархизм больше не определяется борьбой против капитализма, но указывает на новые объекты господства и области антагонизма: на расизм, приватизацию, бюрократизацию, сексизм, вмешательство в личную жизнь, цензуру, церковь, гендерные и культурные формы подчинения и др. То есть и здесь Ньуман цитирует Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, постанархизм – это антиавторитарная борьба, оспаривающая дефицит равенства именно во властных отношениях.

Отказ от центристской и иерархичной политики, открытость множеству идентичностей, плюрализм борьбы, ее децентрализованная структура и демократическая организация объединяют современные радикальные движения в единое постанархистское, делая его практически всеохватным. Таким образом, анархизм сегодня скорее практический, нежели теоретический, несмотря на научное посредничество Ноама Хомского, Джона Зерзана, Мюррея Букчина и др. Ньуман из наблюдений за проблематизацией реальной политики заключает, что в настоящее время политику, в принципе, можно охарактеризовать как анархистскую. И этот контекст настоящего момента истории делает движение еще более радикальным, поскольку метамодерн с его непредсказуемостью и неопределенностью формирует неожиданные связи между различными сообществами и идентичностями, даже если между ними, казалось бы, мало общего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Маргинализация анархии, присущая политической науке и «большой» политике, больше не работает: информация неподвластна центральному телевидению и государственным СМИ, поскольку Интернет и частные издания (любой формации) расширили информационное поле и централизованный контроль за доступом людей к информации теперь практически невозможен. Поэтому мэр столицы, назвавший себя и свою партию анархо-сюрреалистами, побеждает на выборах; поэтому кандидатам в президенты больше не нужно выбирать «правую» или «левую» сторону, если они не видят в этой дихотомии смысла; поэтому конституцию может писать само общество в фейсбуке. Возможно, вслед за неожиданно динамичным сущностным развитием политики последует аналогичный рывок в политологии, с соответствующей трансформацией научного языка и расширением представлений о возможном. Восемь лет назад шаг в эту сторону сделал нобелевский комитет, вручив награду по экономике Элинор Остром за канонически анархистскую концепцию управления общими ресурсами.

Библиографический список

Норт Д., Вайнгаст Б. и Уоллес Д. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 1320 с.

- Фейерабенд П. Против метода / пер. с англ. и нем. А. Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007. 413 с.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой. М.: АСТ, 2004. 736 с.
- Элликсон Р. Ч. Порядок без права: как соседи улаживают споры / пер. с англ. М. Маркова, А. Лащева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.
- Andersen A. The Gnarr Effect: The Reykjavik Grapevine [Электронный ресурс]. URL: <https://grapevine.is/mag/interview/2010/10/19/the-gnarr-effect> (дата обращения: 20.07.2017).
- Axelrod R., Hamilton W. D. The Evolution of Cooperation // Science, New Series. 1981. Vol. 211, № 4489. P. 1390–1396.
- Beltran G. A. Regiones de refugio: el desarrollo de la comunidad y el proceso dominical en meztizoamérica. Xalapa-Enríquez: Universidad Veracruzana, 1991. 371 p.
- Bickel A. M. The Morality of Consent. New Haven: Yale University Press, 1977. 166 p.
- Black D. The Social Structure of Right and Wrong. N.Y.: Academic Press, 1998. 428 p.
- Fuller L. L. Human Interaction and the Law // The Rule of Law. 1977. Vol. 47, № 3–4. P. 59–89.
- Gnarr J. Gnarr! How I Became the Mayor of a Large City in Iceland and Change the World. Brooklyn: Melville House, 2014. 194 p.
- Holmes O. W. The Common Law. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 268 p.
- Long R. Privatization, Viking Style: Model or Misfortune? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lewrockwell.com/2002/06/roderick-t-long/the-vikings-were-libertarians> (дата обращения: 23.07.2017).
- Lucassen L., Willems W., Cottaar A. Gypsies and Other Itinerant Groups: A Socio-historical Approach. London: Macmillan, 1998. 226 p.
- Michelman F. I. States' Rights and States' Roles: Permutations of Sovereignty in National League of Cities v. Usery // The Yale Law Journal. 1977. Vol. 86. P. 1165–1195.
- Mossman K. Gnarr! How to Fake It as a Politician [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newstatesman.com/politics/2014/10/gnarr-how-fake-it-politician> (дата обращения: 22.07.2017).
- Nagvekar R. Power, Politics, and Pirates: Inside the Struggle for Iceland's Future [Электронный ресурс]. URL: <http://thepolitic.org/power-politics-and-pirates-inside-the-struggle-for-icelands-future> (дата обращения: 23.07.2017).
- Newman S. The Politics of Postanarchism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 200 p.
- Ogus A. I. Law and Spontaneous Order: Hayek's Contribution to Legal Theory // Journal of Law and Society. 1989. Vol. 16, № 4. P. 393–409.
- Ryde R., Sofianos L. Creating Authentic Organizations: Bringing Meaning and Engagement Back to Work. London: Kogan Page, 2014. 208 p.
- Weber M. Max Weber on Law in Economy and Society. Cambridge: Harvard University Press, 1954. 363 p.

White R. The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 576 p.

Информация об авторе

Хохлова Дарья Даниловна – аспирант кафедры политического управления ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, под. 7
ORCID: 0000-0001-9182-1805
ResearcherID: Q-7708-2016
Электронная почта: dashanty@rambler.ru

Статья получена 4 августа 2017 года

UDC 321

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-3-312-324

POSTANARCHY AS AN ALTERNATIVE POLITICAL REGIME

Daria D. Khokhlova

St. Petersburg University, 1/3 Smolnii str., entrance 7,
St. Petersburg, 191124, Russia
ORCID: 0000-0001-9182-1805
ResearcherID: Q-7708-2016
E-mail: dashanty@rambler.ru

For citation:

Khokhlova, D. D. (2017), "Postanarchy as an Alternative Political Regime", *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 3, pp. 312–324, doi: 10.17072/2218-9173-2017-3-312-324.

Introduction. The paper deals with the modern theory of anarchist societies and states, with an emphasis on the figure of Jon Gnarr – anarcho-surrealist, who ran Reykjavik in 2010-2014.

Aims. The purpose of the paper is to identify the reasons to legitimize the anarchist regime in the political science and the factors that impede it.

Methods. The paper uses general scientific methods: descriptive, systemic, value-normative; political methods: neoinstitutionalism, rational choice theory, case-study.

Results. The basic idea of the modern theory of anarchism is identified (in the political-administrative, legal, philosophical, ethical, and economic areas). The reasons for the lack of legitimization of the anarchist regime in political theory are identified. Anarcho-surrealistic reframing in Iceland is briefly analyzed.

Conclusion. Marginalization and depreciation of political systems with the power lacking its central value occur in self-defense of the dominant centralized system, the dominant system itself isn't optimal adequate at all. Thus, not only «history is written by winners», but also theory is. Politics-dependent political science

narrows the diverse in the approaches of anthropologists, economists and lawyers to the same problems. Gnarr's example shows how anarchy can destroy the myth of the sacredness of political power and the dominant masculinity of a politician by reforming political culture and influencing the entire political system of the state.

Key words: anarchy; regime; power; absolute power; monopoly on violence; centralised government; pure democracy

References

Nort, D., Weingast, B. and Wallis, D. (2011), *Nasilie i sotsial'nye poryadki: kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Translated by Uzlaner, D., Markov, M., Raskov, D. and Raskova, A., Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, Russia.

Feyerabend, P. (2007), *Protiv metoda* [Against method. Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge], Translated by Nikiforov, A. L., AST, Moscow, Russia.

Fukuyama, F. (2004), *Doverie* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity], Translated by Pavlova, D., AST, Moscow, Russia.

Ellickson, R. C. (2017), *Poryadok bez prava: kak sosedi ulazhivayut spory* [Order without Law: How Neighbors Settle Disputes], Translated by Markov, M. and Lashhev, A., Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, Russia.

Andersen, A. (2010), "The Gnarr Effect: The Reykjavik Grapevine" [Online], available at: <https://grapevine.is/mag/interview/2010/10/19/the-gnarr-effect> (Assessed July 20, 2017).

Axelrod, R. and Hamilton, W. D. (1981), "The Evolution of Cooperation", *Science, New Series*, vol. 211, no. 4489, pp. 1390–1396.

Beltran, G. A. (1991), *Regiones de refugio: el desarrollo de la comunidad y el proceso dominical en meztizoamérica*, Universidad Veracruzana, Xalapa-Enríquez, Mexico.

Bickel, A. M. (1977), *The Morality of Consent*, Yale University Press, New Haven, USA.

Black, D. (1998), *The Social Structure of Right and Wrong*, Academic Press, N.Y., USA.

Fuller, L. L. (1977), "Human Interaction and the Law", *The Rule of Law*, vol. 47, no. 3–4, pp. 59–89.

Gnarr, J. (2014), *Gnarr! How I became the mayor of a large city in Iceland and change the world*, Melville House, Brooklyn, USA.

Holmes, O. W. (2009), *The Common Law*, Harvard University Press, Cambridge, USA.

Long, R. (2002), "Privatization, Viking Style: Model or Misfortune?" [Online], available at: <https://www.lewrockwell.com/2002/06/roderick-t-long/the-vikings-were-libertarians> (Assessed July 22, 2017).

Lucassen, L., Willems, W. and Cottaar, A. (1998), *Gypsies and Other Itinerant Groups: A Socio-historical Approach*, Macmillan, London, UK.

Michelman, F. I. (1977), "States' Rights and States' Roles: Permutations of Sovereignty in National League of Cities v. Usery", *The Yale Law Journal*, vol. 86, pp. 1165–1195.

Mossman, K. (2014), "Gnarr! How to fake it as a politician" [Online], available at: <http://www.newstatesman.com/politics/2014/10/gnarr-how-fake-it-politician> (Assessed July 22, 2017).

Nagvekar, R. (2016), "Power, Politics, and Pirates: Inside the Struggle for Iceland's Future" [Online], available at: <http://thepolitic.org/power-politics-and-pirates-inside-the-struggle-for-icelands-future> (Assessed July 23, 2017).

Newman, S. (2010), *The Politics of Postanarchism*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.

Ogus, A. I. (1989), "Law and Spontaneous Order: Hayek's Contribution to Legal Theory", *Journal of Law and Society*, Vol. 16, no. 4, pp. 393–409.

Ryde, R. and Sofianos, L. (2014), *Creating Authentic Organizations: Bringing Meaning and Engagement Back to Work*, Kogan Page, London, UK.

Weber, M. (1954), *Max Weber on Law in Economy and Society*, Harvard University Press, Cambridge, USA.

White, R. (2010), *The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Received August 4, 2017